

Проблема «Другого» у Ж. Бодрийяра

Франц В.А.

Понятие «Другой» – одно из важнейших понятий философской антропологии. Оно, по мнению подавляющего большинства исследователей, выражает социальную сущность человека. Рассматривая проблему взаимоотношения «Я – Другой», В. Подорога "В феноменологии тела" пишет, что: Я подобно коммуникативному очагу, в котором непрерывно пульсирует совокупность отношений, без которых человек не может встроиться в близкий ему мир. Философ, как явствует из высказывания, имеет в виду не только взаимодействие человека с «Другим», которым является такой же человек. «Другого» как другого человека рассматривают также Х. Ортега-и-Гассет, П. Валери, М. Мерло-Понти, З. Фрейд... и многие, многие другие. Однако существуют взгляды на обозначенную проблему, в значительной степени отличающиеся от взглядов упомянутых мыслителей. Всеми без исключения признается сегодня, что язык играет решающую роль в формировании и внутреннего мира человека и его социализации. При этом одни мыслители акцентируют внимание на человеке, как носителе языка, создателе и властителе его, а другие, напротив, на самом языке. По их мнению, не человек властвует над языком и видоизменяет его в соответствии со вновь формирующимися отношениями с миром, а, напротив, язык властвует над человеком, определяя его мышление и границы взаимодействия с окружающей средой. «В начале было Слово» – утверждают они. В сущности, те и другие рассматривают разные стороны одной и той же монеты.

Точка зрения и тех и других философов открывает возможность для рассмотрения проблемы «Другого» в рамках проблемы власти. «Другой» – это то, что вторгается в жизнь человеческого существа помимо его воли, формирует его, становится его судьбой. Таким образом, «Другой» – это язык, а язык – это власть. Так утверждает, по словам Р. Кънчева, например, Б.-А. Леви, однако, вслед за Бартом, он обращает внимание читателя на фигуру того, кто создаёт язык, определяет правила говорения и, следовательно, жизни. У Барта такой человек – писатель. Леви же называет его просто Властителем. И тот и другой сталкиваются со сложно разрешимой проблемой: «как можно говорить на языке и одновременно быть его властелином». Барт выходит из этой ситуации таким образом: он утверждает, что писатель вынужден постоянно ускользать от языка, быть одновременно в его потоке и вне его. Таким образом, писатели у Барта оказываются не государственными мужами, не обладателями больших финансовых активов, определяющих ход важных общественных процессов, а, скорее, властителями умов и душ. Они обладают не, выражаясь языком современной политологии, реальной властью, а властью метафизической. Однако действительно ли кто-либо способен выйти за пределы собственного языка? Как быть с языками, существующими в рамках

дописанных обществ? Как быть с различием между языком и речью, о котором говорил Соссюр?..

Леви же говорит о Властителе, с одной стороны, как об «абсолютном принципе бытия и познания», а, с другой, как о том, кто «используя язык в качестве «структуры» или «системы», упорядочивает, классифицирует и в конечном счете унифицирует действительность.

Позиция Леви по своему характеру очень близка позиции Жана Бодрийяра. Бодрийяр не говорит прямо о связи таких понятий, как «Власть» и «Язык», «Власть» и «Другой», однако, на мой взгляд, такая взаимосвязь, по крайней мере взаимосвязь второй пары понятий, однозначно вытекает из контекста. Задачей данной главы является доказать это, а также продемонстрировать под новым углом зрения проблему взаимоотношения социального и масс, рассматриваемую французским философом.

Понятие «Другой» для Бодрийяра гораздо шире, чем просто другой человек. Это даже не понятие, это – категория, категория человеческого бытия, существующая наряду с такими категориями, как «Зло» и «Соблазн», и тесно взаимосвязанная с ними. Если о категориях «Зла» и «Другого» еще можно говорить отдельно, то без понимания категории «соблазна», что подразумевает под «Другим» Бодрийяр, понять нельзя.

Практически все труды Жана Бодрийяра проникнуты тревогой за судьбу современного Запада, который, по его мнению, живёт во власти вредоносных иллюзий, корни которых философ ищет в прошлом. В этих иллюзиях, как утверждает Бодрийяр, по иронии судьбы повинны две силы, на протяжении веков противостоявшие друг другу. Это христианская религия, утверждающая, что абсолютным и вечным бытием является только добро, и рациональное, научное мышление, требующее доказательства любого утверждения, выявления универсальных законов, и основывающееся на принципе реальности. Существуют, правда, мнения, в соответствии с которыми наука не могла бы сформироваться без христианства, которое требует видеть за материальностью мира духовное пространство, видеть главное, суть. Поэтому уточним: здесь имеется в виду противостояние на уровне самосознания: церковь и наука всегда подвергали друг друга жёсткой критике, не говоря уже о физическом уничтожении сторонников науки церковью. Sens-ability (терм. мой), которой так гордится Европа, по мнению Бодрийяра, является не основой её превосходства, а ловушкой, которую расставила для неё сама судьба.

В произведении «Соблазн» Бодрийяр выделяет три стадии развития, которые прошла европейская цивилизация. Первая стадия – это стадия правила, на которой жизнь человека определяется ритуалом. Здесь главенствует дуальное и hot соблазн. Вторая стадия – стадия Закона, где «социальное» задаёт формы существования человеческого сообщества. Время победы полярности, бинарной оппозиции как формы мышления. В третьей стадии западный мир находится сейчас. На смену Закону в этой стадии приходит Норма, характер мировоззрения сегодня – дигитальность. «Что же заменило

сегодня социальное?» – спрашивает Бодрийяр. Этот вопрос мыслитель оставляет открытым. Однако утверждает, что человечество распрощалось с эрой Закона и Договора, его жизнь облекается нормой и моделями, а у нас нет даже слова, чтобы обозначить то, что сегодня-завтра наследует в наших глазах социальности и социальному». Единственное, что человек может сказать с уверенностью, – это то, что мы живём в эру холодного, «cool» соблазна, эру замороженности бледным, холодным мерцанием телеэкрана, эру абсолютной симуляции, которую делают возможной mass-media. Быть может, предполагает философ, на смену «социальному» придёт код, и все, что нам останется – это игра чистых симулякров в виртуальном пространстве. Какая злая ирония: стремились осмыслить мир во всей его полноте, а пришли к абсолютной бессмыслице. Хотели отыскать неоспоримую истину, и вынуждены были убедиться, что её нет. Однако во время этой безумной гонки за истиной, хоть кто-нибудь задался вопросом, что принесет с собой достижение поставленной цели? Что таит в себе объяснение? На этот вопрос Бодрийяр даёт однозначный ответ: объяснение таит в себе разочарование, ведь очаровывает только тайна. Соблазн состоит в «видимости присутствия». Соблазн, утверждает философ в одноименном произведении, – это побуждение к действию, гарант движения и изменения. Истолкование, по Бодрийяру, – это крайняя противоположность обольщения. Европейская культура, по убеждению философа, – это культура демонстрации и разоблачения, и значит, культура изначально больная, а сегодня и уставшая от самой себя, пресытившаяся собой. Путь истины – это путь слабых, ведь соблазн – это смерть. Соблазн – это Большая Игра, которая требует поставить всё на карту. Это Дьявол, который назначает ценой знания душу и который, как и полагается Дьяволу, не выполняет условия договора. Путь истины – это путь слабых, которые искренне считают себя сильными, видя силу в том, чтобы овладеть этим миром и стать собственной судьбой. Но такую возможность Бодрийяр считает иллюзорной, ведь власть соблазна абсолютна. Силу он видит в древнегреческом фатализме, в способности полного приятия судьбы и покорения ей. Соблазн – это судьба. Соблазн – это то, что переходит от одного к другому в разных, несхожих формах, т.е. минуя одинаковость. Радуйся, тавтологический Запад, ты будешь спасён! Но не Богом, а дьявольской силой соблазна. Ты обретёшь вечную жизнь, но не в райской неподвижности, а в вечном изменении. Соблазн – это жизнь! Точнее, неразделимое единство жизни и смерти. В своей работе «Прозрачность Зла» Бодрийяр цитирует Гегеля: «Мы существуем в жизни, которая движется внутри самой себя посредством того, что есть смерть». Соблазн – это жизнь и смерть, утверждает он в "Прозрачности зла". Как же тогда возможен соблазн? Он возможен постольку, поскольку есть «Другой» или, точнее, «Другое», радикально «Другое», которое не терпит примирения и не подлежит объяснению. Это другая культура, другой человек, вещи, даже я сам. Секрет Другого, – утверждает Бодрийяр, – состоит в том, что человеку никогда не представляется возможность быть самим собой, и он существует лишь

благодаря фатальному отклонению того, что приходит извне. «Другой» – это моя собственная тайна. С другим нельзя встретиться лицом к лицу, можно лишь идти по его следам. «Другой» – это то, что ведет тебя и ведомо тобой, это то, что разделяет твою судьбу. Так, Бодрийяр видит Мир как всеобщую взаимосвязанность. Сосуществование у него предполагает взаимоизменение. «Совращение основано на интуитивном представлении о чем-то таком, что в Другом остаётся вечной тайной для него самого, на том, чего Другой никогда о нём не узнает и что в то же время тайно притягивает его – вот связь понятий «Другой» и «Соблазн».

Бодрийяр не восстаёт против разделения на «Я» и «Окружающий Мир», «Субъект» и «Объект», так как это значило бы восстать против самого мышления, он всего лишь протестует против абсолютизации объяснения. Он говорит о том, что не нужно стремиться быть естественным, а нужно позволять себе играть, так как быть естественным невозможно, точнее, единственная естественность – это игра. Не нужно критически относиться к жизни, а нужно непрерывно перемещаться по ней – от точки к точке, как во время путешествия. Бодрийяр утверждает, что традиционные общества имеют превосходство над европейским, так как они на это способны. Ошибку европейцев мыслитель видит в их толерантности, идею которой они так лелеют, точнее, в том, что они считают себя толерантными, на деле являясь наиболее всех в этом Мире нетерпимыми ко всяким отличиям. Для прояснения дела Бодрийяр вводит две категории: «отличие» и «различие». Отличие – это то, что помещает предмет в отдельную плоскость по отношению ко всем другим предметам, делает его ни с чем не сравнимым. Это то, что есть. Различие же – это любимая иллюзия европейца. Это то, что делает одни вещи функцией от других, помещает их на разные стороны одной медали, творя бинарные оппозиции. Так, в христианстве зло – это только производное от добра, видоизменённое благо, неполноценное сущее. Различие кладёт начало субординации и системе ценностей. И, как ни парадоксально, в то же время это попытка уравнивания всех вещей между собой. Одновременное расчленение мира на части и пугливый шаг на попятную – интеграция всех полученных частей. Анализ и синтез. Левополушарное доминирование.

Итак, на стадии Закона европейцы уверовали в то, что христианство – это единственная правильная религия, что демократия – единственная правильная идеология, все люди от природы равны и наделены одинаковыми правами, вообще, что все – ...люди. Стадия Закона – это парадоксальная стадия. Она характеризуется абсолютной уверенностью и, одновременно, абсолютной неуверенностью. Какой-то параноидальной несамодостаточностью. То, что объявлено законом, ещё должно быть доказано, но доказано... любой ценой. Так начинается европеизация дикого Востока, однако по ту сторону океана, даря надежду, загорается новая звезда – Дикий Запад...

Великая христианская идея... идея всепрощения. Проблема толкования Библейских текстов никогда не теряла своей актуальности. Как эта красивая

идея должна быть истолкована? Простить, значит просто принять Мир таким, какой он есть, или простить – это оправдать его? Русское слово «простить», на мой взгляд, говорит в пользу первого толкования. Простить, значит отнестись просто, некритически. В этом контексте новое звучание приобретает православная идея смирения. Смириться... – это похоже на «быть с Миром». Иисус Христос сказал: «Кто не со мной – тот против меня». Что вкладывал он в эти слова? Говорил ли он о необходимости христианизации всего Земного Шара? Кто не со мной, тот – моя противоположность, если я – добро, то он – зло? Или же кто не со мной, тот неизбежно будет противиться мне, тот не примет меня?... Who knows [Бодрийяр Ж. Америка].

Европейская цивилизация никогда не принимала, она лишь оправдывала. Ей чуждо ни к чему не обязывающее гостеприимство народов Востока или категорическое неприятие, характерное для некоторых примитивных племён. «Не ходите дети в Африку гулять!». Корней Чуковский ошибся. Не в Африку, а в Европу. Европа – это своеобразный Бермудский Треугольник: оттуда не возвращаются. Это зал суда и место заточения одновременно. Однако, будто в королевстве кривых зеркал, оправдание здесь заканчивается заточением, а оправдывают здесь всегда. Чересчур радушный хозяин говорит «располагайся, чувствуй себя как дома!». То есть он говорит буквально «Будь хозяином!». Хозяин не прочь, чтобы гость стал им, точнее его двойником. И чем больше таких двойников, тем лучше, ведь сложно быть единственным хозяином огромного дома, в котором надо постоянно всё расставлять по полочкам. Хозяин пытается совратить гостя, отклонить его от его истины и обратить в свою веру. Но получается ли у Запада совратить Восток? И да, и нет. Смотря, что мы принимаем за реальность. Симулякр Востока существует, но только в умах жителей Запада. Сам Восток – это симулякр. Знают ли жители Востока о существовании какого-то Востока? Попытка хозяина совратить гостя привела лишь к извращению его собственного сознания. «Восток» (в кавычках отныне и навеки, ведь это пленённая часть сущего), как писатель Барта, постоянно ускользающий от языка, непрерывно ускользает от попыток Запада быть хозяином положения. Властвуют лишь над тем, кто добровольно подчиняется дискурсу властителя.

По какой же причине «Запад» порождает эту очередную бинарную оппозицию «Восток-Запад»? Этот тянитолкай – дитя неизбывной тоски по «отличию», неудовлетворенной потребности в «Другом». Когда «отличие» уничтожено, появляется «различие», и это симптоматично.

По словам Бодрийяра, «Запад» одержал стратегическую победу над «Востоком», тогда как «Восток» одержал над ним победу символическую. «Запад» богат: он одет, сыт, вооружен и очень опасен. «Восток» же имеет в качестве нематериального актива гармонию. «Восток» мстит «Западу»: он совращает его, и при том успешно. Он усваивает его технические достижения, не принимая его ценностей, и, таким образом, по мнению Бодрийяра, отклоняет его от его истины. Оказывается, процветание возможно и без демократии.

М. Бубер в работе "Я и Ты" утверждал, что мгновения Ты являются в этой прочной летописи [(Оно) – Ф.В.] как причудливые лирико-драматические эпизоды, соблазнительно волшебные, но влекущие к опасным крайностям, ослабляющие испытанную связь, оставляющие за собой больше вопросов, чем удовлетворённости, подрывающие безопасность – тревожные эпизоды, неизбежные эпизоды. «Я» и «Ты» – это «Соблазн». «Восток» ещё способен на буберовское отношение «Я-Ты», «Запад» же... who knows...

Дети, женщины и массы, по Бодрийяру, сродни «Востоку». Дети сами не верят в то, что они дети, однако, взрослым они позволяют верить в это. «Ребёнок» – это куда более широкое понятие, чем «взрослый». А если уж быть до конца точной, то и нет никакого понятия «ребенок». Единственное понятие – это «взрослый». Это он знает, кто он такой, что можно, что нельзя, что хорошо, а что – плохо. Ребенок же не желает этого знать. У него просто нет для этого возможностей. Ребенок всегда апофатичен, он всегда негативен. Так же как и женщина. По Бодрийяру, весь соблазн и вся власть женщины состоит в ее принципиальной чуждости истине, в ее абсолютной искусственности и, конечно, в том, что она заставляет мужчину поверить в то, что она женщина, сама не веря в это. Западная женщина сразу потеряла всю свою власть, как только подчинилась мужскому дискурсу истины. Власть современных масс также состоит в их молчаливой иронии, в их отрицании или отклонении смысла. Бодрийяр утверждал, что все, что у масс имеется – это сила равнодушия, сила отторжения. Они черпают свою силу лишь в том, что изгоняют или отвергают, прежде всего – любой проект, превосходящий их понимание, любая категория или рассуждение, которые им недоступны. Как мы видим, даже невежество можно обернуть в пользу и превосходство. Главный элемент этой неосознанной стратегии равнодушия – уверенность в себе. Она – основа всякой истинной власти.

Примечательно, что о массах Бодрийяр всегда заговаривает в последнюю очередь. Это оставляет надеяться, что для него эта проблема по важности находится как раз таки не на последнем месте.

Ребенок, женщина, массы, «Восток»... – это «Другой», а «Другой» – это «Властитель». Выходит, властитель – это все и всякий.

Вот мы и подошли к вопросу власти. В произведении «Забыть Фуко» Бодрийяр критикует концепцию власти этого философа. В «Микрофизике власти» Фуко утверждает, что все бытие пронизано отношениями власти-подчинения. Власть вечна и необратима. Как раз в этих качествах и отказывает ей Бодрийяр, однако, только если речь идет о власти как власти какого-то конкретного дискурса, какой-то конкретной формы. Да, по правилу «Соблазна», одна истина неизбежно приходит на смену другой, одни формы сменяются другими. Но кое-что все-таки остается неизменным. Это сам «Соблазн». Лишь он вечен и необратим. Он и есть истинная власть. И им пронизано все сущее. Всё властвует и все подчиняется...одновременно. Так в чём же противоречие позиций Фуко и Бодрийяра? Оно в том, что, как

утверждает сам Бодрийяр, по Фуко «Власть – это то, что функционирует. Бесконечная инфильтрация социального поля...». Таким образом, по Бодрийяру, Фуко просто неправильно расставил акценты, не довёл мысль до ее логического конца.

Бодрийяр утверждает, что стратегия власти Фуко – это стратегия реального, которой пришел конец. Он убежден, что власти больше не удастся производить реальность, воспроизводить себя в качестве реального, так что она впадает в гиперреальность и улетучивается, а это конец власти, конец стратегии реального. Ярчайший пример гиперреальности власти и просто гиперреальности, по мнению философа, представляет собой Америка.

Если власть умерла, что же произошло с «политическим» и «социальным»? «Политическое», как считает Бодрийяр, существует до тех пор, пока оно бросает вызов. Вызов – это разновидность соблазна. Любой добивающийся политической власти явно либо неявно для себя желает возвыситься, навязать, поработить. Если он безо всяких иллюзий и масок идёт к этой цели – это вызов. Если же политик пытается договориться, это верный признак смерти «политического». Судя по произведениям философа, Бодрийяру на какой-то момент показалось, что «политическое» окончательно умерло, однако, как он убедился, сейчас можно наблюдать, как оно кое-где мало-помалу воскресает: уже десять лет, как непристойность в виде стратегии правительства стала неотъемлемой частью нравов, – утверждает философ. Схема судьбы социального, как уже было выяснено, представляет собой бифуркацию. На одной её ветви оно умерло несколько веков назад в Европе. Другая ветвь – это бесконечная прямая: социальное не умрёт никогда (Да здравствует Фуко!). На третьей европейское социальное, размножившись, погибло, а его потомство отправилось за море покорять Америку, где, прожив славную жизнь, сейчас умирает естественной смертью.

Я знаю людей, которые, ознакомившись с трудами Бодрийяра, остаются крайне недовольны философом. «Он только критикует всё и вся, – говорят они, – никаких конструктивных предложений не выдвигая». Что ж, все мы знаем, что философия всегда страдала от недостатка философов... (Нет, я все-таки продолжу!), которые бы жили строго в соответствии с собственной философией. Здесь же человек придерживается стратегии, которую считает наиболее выигрышной – иронической стратегии соблазн(ителя)а. Возможно, также, он поддерживает имидж истинно европейского философа, наделённого несчастным сознанием, который просто обязан относиться ко всему критически. К тому же, всё это вообще неправда. Бодрийяр, например, предлагает универсальный рецепт борьбы с отчуждением. В переформулированном виде он звучит так: «Клин клином вышибают». Формулировка же Бодрийяра следующая: не следует ограничиваться отчуждением, нужно двигаться к тому, что еще более другое, чем сам Другой, – к радикальному отчуждению. Двойственная форма отчуждения предполагает необратимую метаморфозу внешнего облика и полное преображение. С ним не

произошло каких-либо изменений. Он стал другим окончательно и бесповоротно. Он покоряется теперь не закону желания, но полной искусственности правила. То, что людям нужно сегодня, Бодрийяр называет термином Гамбровича «Аффектация». Аффектация, утверждает он, – это то необычное состояние души, при котором, как говорит Гомбрович, человек осознает искусственность своего положения и которое проявляется в стремлении создать себе нечто вроде искусственного двойника, проникнуть в его искусственную тень, создать искусственный автомат своей сущности и с помощью знаков уйти, подобно Другому, во внешний мир. О личности необходимо раз и навсегда забыть.

В кои-то веки европейцам пришлось столкнуться с вопросом, с которым на протяжении вот уже нескольких веков приходится сталкиваться русским людям. Русские не могли и не могут согласиться между собой в решении проблемы «Возможна ли европеизация России, и к чему она приведёт». Бодрийяр утверждает, что перед Европой сегодня стоит сходный вопрос: «Американизироваться ли», что в переводе мыслителя означает «Становиться ли современными?». У него и на этот вопрос находится однозначный ответ. Этот ответ – нет! Это невозможно, Европе никогда уже не стать современной, так как она крепко застряла в собственном прошлом, она слишком привязана к своим корням, тогда как секрет «современности» состоит как раз в отрыве от корней, точнее, в их отсутствии. Бодрийяр придерживается идеи конца истории: история Европы закончилась. Для достижения наибольшего эффекта необходимо равнодушие и соблюдение правил игры; надо, чтобы истинное умение человека пришло к нему извне, из технического каталога или устройства. Надо играть с техникой при полном исчезновении самого предмета, полном эллипсе смысла, то есть при полной аффектации». Современны Америка и Япония, так, может, японизироваться? Перенять культуру европеизировавшейся Японии? Абсурд. По логике «Другого», такая преемственность невозможна.

В завершение главы, помимо апологии Бодрийяра, хотелось бы осуществить апологию «Апологии масс», то есть предыдущей части работы. Если в работе «К критике политической экономии знака», Бодрийяр обвиняет массы в пассивности, пошлости, недоразвитости, а технократическую элиту объявляет единственной носительницей реальной власти, то в «Прозрачности Зла» и «Соблазне» он снимает с них абсолютно все обвинения. Теперь привилегия власти принадлежит массам, а их стратегия объявляется наиболее выигрышной. Если раньше мыслитель считал, что властвующий – хозяин своей судьбы, то теперь уверен, что власть принадлежит тем, кто судьбе покоряется. Властвуют те, кто не боится радикально изменяться, так как в принципе не имеет понятия об изменении, и кто полностью уверен в себе, ибо не имеет никакого представления о «Я». Это в том числе и массы, поэтому вывод об «апологии масс» вполне обоснован.